

УДК 355.588

ДЕЛИМИТАЦИЯ АРКТИКИ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ КОНВЕНЦИЯМ ООН ПО МОРСКОМУ ПРАВУ

Элякова И. Д.

*Финансово-экономический институт Северо-Восточного федерального университета
имени М. К. Аммосова*

В статье приведены понятия «делимитация», «континентальный шельф» и определены причины, по которым использования их в настоящее время вызывает определенные трудности. Проведен анализ действующих норм международного права в области морского права, выявлены существующие проблемы разграничения континентального шельфа между приарктическими странами в рассмотренных 2-х международных конвенциях по морскому праву: Конвенция ООН по морскому праву от 1958 г. и Конвенция «Организации Объединенных Наций по Морскому праву» от 1982 г. Применительно к Арктике, эта Конвенция ООН по морскому праву от 1958 г. стала первой попыткой для арктических стран совместно разграничить территорию Арктики на основании международного права.

Ключевые слова: делимитация, Арктика, страны, Конвенция ООН, морское право, международное право

Актуальность темы. В настоящее время действуют две международные конвенции по морскому праву, регулирующие вопросы разграничения морских границ (как государственных, так и особых зон экономической деятельности государства).

Конвенция ООН по морскому праву от 1958 г. В 1958 году в Женеве собрались представители 86 государств для участия Первой конференции Организации Объединенных Наций по морскому праву.

Целью проведения конференции была попытка установления общемировых правил установления морских границ между прибрежными странами, определения статусов территориального моря, открытого моря, континентального шельфа, а также правил по рыболовству и охране окружающей среды.

По итогам конференции страны – участницы конференции приняли четыре международные конвенции, касающиеся территориального моря, открытого моря, континентального шельфа и рыболовства и охраны живых ресурсов [1].

Применительно к рассматриваемой теме делимитации территорий в Арктике, из указанных 4 конвенций особое место отводится к Конвенции «О континентальном шельфе», принятая в г. Женева 29.04.1958 г., которая определила понятие «Континентальный шельф», его границы, суверенные права государств в континентальном шельфе и порядок определения границ смежных континентальных шельфов между двумя и более государствами.

Так, согласно ст. 1 Конвенция «О континентальном шельфе от 29.04.1958 г., «континентальный шельф» употребляется применительно [2]:

а) к поверхности и недрам морского дна подводных районов, примыкающих к берегу, но находящихся вне зоны территориального моря, до глубины 200 метров,

или, за этим пределом, до такого места, до которого глубина покрывающих вод позволяет разработку естественных богатств этих районов;

б) к поверхности и недрам подобных подводных районов, примыкающих к берегам островов.

Это определение и установление границ «континентального шельфа» было применимо ко всем морям и океанам и тем государствам, которые его ратифицировали.

Применительно к Арктике, эта Конвенция стала первой попыткой для арктических стран совместно разграничить территорию Арктики на основании международного права. Тем не менее, вплоть до 1982 г. арктические страны де-факто использовали так называемый «Секторальный принцип разделения Арктики», так как нормы Конвенции практически не были применимы к водам Северного Ледовитого океана. Это было обусловлено тем, что нормы Конвенции не учитывали географические и геологические особенности водного бассейна Арктики и по сути, главным образом были направлены на установления морских границ Тихого и Атлантического океанов между прибрежными государствами этих океанов.

Краткие выводы по основным причинам неспособности норм Конвенций от 1958 г. регулировать межгосударственные отношения по вопросам разграничения морских границ. После принятия Конвенций от 1958 г. практически сразу обнаружили определенные сложности при их применении [3]:

- во-первых, развитие научно-технического прогресса в 1950- 1970-е гг. стимулировало появление новых форм освоения и использования пространств и ресурсов морских пространств, помимо уже традиционных – рыболовства и судоходства. Развитие технологий связи, прежде всего опτικο-волоконных, превращало моря и океаны в глобальное коммуникационное пространство. Появление возможностей для проведения глубоководных исследований способствовало развитию новых научных знаний об океанических процессах и появлению подводной археологии. Расширение практики проведения научных исследований позволило выявить залежи минеральных и энергетических ресурсов не только шельфовых зон, но и глубоководных районов. Первые опыты глубоководного бурения, проведенные в 1960-е гг., дали основания полагать, что океанические запасы нефти и газа могут покрыть все мировые потребности в энергоресурсах. Энергетические кризисы 1973 и 1979 гг. стали импульсом к разработке шельфовых месторождений. Основные работы по добыче были начаты в Северном море. На 1960-1970-е гг. приходится период начала прокладки по морскому дну первых нефте- и газотрубопроводов. Все эти виды морехозяйственной деятельности требовали выработки единых правил поведения государств в морских пространствах. Главный же недостаток Женевских конвенций 1958 г. заключался в том, что они не являлись единым универсальным договором, что в свою очередь привело к тому, что те или иные государства были участниками лишь некоторых из этих конвенций. Так, например, СССР отказался присоединиться к Конвенции о рыболовстве и охране живых ресурсов открытого моря, считая, что регулирование вылова в открытом море противоречит базовым принципам международного морского права;

- во-вторых, в 1960-е гг. произошла целая серия инцидентов с нефтеналивными танкерами. Одной из наиболее крупных катастроф, причинившей значительный ущерб состоянию морской среды, стала авария итальянского танкера класса суэц-

макс «Torrey Canyon», плавающего под либерийским флагом и построенного в США, у юго-западного побережья Великобритании в марте 1967 г. Все это привело к тому, что проблематика защиты морской среды и ее биологического разнообразия стала одной из центральных тем международно-политической повестки дня. Экологическая риторика стала претендовать на одну из центральных ролей в процессе развития международного морского законодательства;

- в-третьих, приморские государства были заинтересованы в дальнейшем расширении своей юрисдикции, а в некоторых случаях и суверенитета, над сопредельными морскими пространствами с целью максимального использования их живых и неживых ресурсов.

Отправной точкой этих правопритязаний можно считать известные прокламации Президента США Г. Трумэна, открывшие своеобразный «ящик Пандоры» [3]:

- в первой из них, «О политике США в отношении естественных ресурсов недр и морского дна континентального шельфа», было заявлено, что естественные богатства поверхности и недр континентального шельфа, находящегося под водами открытого моря, но прилегающего к берегам США, принадлежат США и подчиняются юрисдикции и контролю со стороны США;

- во второй, «Политика США в отношении прибрежного рыболовства в определенных районах открытого моря», декларировалось, что в связи с необходимостью защиты рыбных ресурсов США будут устанавливать охранные зоны в тех районах открытого моря, которые прилегают к берегам США и в которых осуществляется активная рыбопромысловая деятельность.

И хотя положения этих прокламаций никак не затрагивали статус вод открытого моря, в отношении которых сохранялся принцип свободы судоходства, и не были попыткой расширить границы территориального моря, тем не менее, они существенным образом видоизменили, если не подорвали, существующую в течение столетий доктрину свободы морей [1].

В ответ на американские инициативы другие страны также стали выступать с декларациями о своих правах над ресурсами морского дна за пределами своего территориального моря, а также водами с целью контроля над эксплуатацией живых ресурсов. Так поступили в 1949 г. в отношении континентального шельфа все 10 арабских государств и эмиратов (Абу-Даби, Бахрейн, Дубай, Катар, Кувейт, Саудовская Аравия и др.) [3].

Латиноамериканские страны (Аргентина, Гондурас, Коста-Рика, Перу, Чили, Эквадор) путем формирования 200 мильных рыбоохранных зон расширили свою юрисдикцию с целью защиты национального рыболовства от посягательств других государств. Более того, некоторые из них выступали также за существенное расширение внешних границ территориального моря – вплоть до 200 морских миль [3].

Эти правопритязания не удалось урегулировать ни в рамках работы Первой (1958), ни Второй (1960) Конференций ООН по морскому праву. Соответственно, необходимо было выработать новую пространственно-правовую иерархию, помимо уже устоявшегося разделения на внутренние воды и территориальное море, находящиеся под суверенитетом приморского государства, а также открытое море, находящееся за пределами такого суверенитета [3].

Наконец, в середине 1960-х гг. были получены первые данные о прогнозных запасах полиметаллических конкреций, содержащих марганец, никель, кобальт и

медь, в глубоководных районах Мирового океана. Развивающиеся страны высказывали опасения относительно того, что их перспективная разработка будет по силу лишь индустриально развитым государствам, обладающим техническими возможностями для глубоководного бурения и добычи [1].

В этих условиях их свободная разработка могла принципиальным образом изменить конъюнктуру рынка и нанести конкурентный урон тем компаниям, прежде всего в развивающихся странах, которые занимались бы разработкой соответствующих ресурсов на континенте/материке. Такая ситуация усиливала бы разрыв в экономическом развитии между развитыми и развивающимися государствами, что было невыгодно последним [3].

Кроме того, применение критерия «эксплуатруемости», введенного в рамках Конвенции о континентальном шельфе 1958 г. в отношении разработки ресурсов континентального шельфа, могло привести к тому, что совершенствование технологий могло бы в конечном итоге привести к разделу всей площади морского дна и океанов исключительно между приморскими государствами [3].

Таким образом, налицо был определенный конфликт интересов как между развивающимися и развитыми странами, так и между приморскими и внутриконтинентальными державами. Более того, все большее количество государств, освободившись от колониальной зависимости, стремились к адаптации международного морского законодательства под свои политико-экономические нужды.

В этой связи, начиная с конца 1950-х гг. все более широкое звучание стала получать концепция «общего наследия человечества».

Идеологически она была направлена на недопустимость перехода дна открытых морей и его ресурсов под прямое управление со стороны каких-либо государств, катализатором чего, как уже отмечалось выше, стали прокламации Президента Гарри Трумэна, а правовым основанием – критерий «эксплуатруемости», введенный Конвенцией о континентальном шельфе 1958 г. [3]

Попыткам распространить свой суверенитет на эти районы и их ресурсы, равно как и применить к ним концепцию «юрисдикции», была противопоставлена идея «интернационализации» контроля над использованием ресурсов морского дна.

Квинтэссенцией же взглядов относительно того, что из себя должен представлять новый режим океанического управления можно считать работу Э.М. Боргезе «Проект статута международного режима мирного использования открытого моря и морского дна за пределами национальной юрисдикции», выполненную по заказу Центра по изучению демократических институтов (Санта-Барбара, Калифорния) [3].

В ней океаническое пространство рассматривалось как единое целое, в рамках которого ни живые морские ресурсы, ни загрязнения и сбросы отходов не знают юридических и политических границ. Такая прозрачность и проницаемость границ, по мнению авторов работы, создавала некий уровень взаимозависимости между всеми уровнями управления – национальным, региональным и международным, и требовала более согласованных действий в их рамках [3].

В итоге именно эта тематика – выработка нового правового режима в отношении дна океанов и морей, а также его ресурсов – стала главным поводом для принятия новой международной конвенции по морскому праву.

Примечательно, что, несмотря на принятие в 1982 г. Конвенции ООН по международному морскому праву, Конвенция «О континентальном шельфе», от 29.04.1958 г. не утратила силу и продолжает действовать.

Конвенция «Организации Объединенных Наций по Морскому праву», принята в 1982 г.

После продолжительных международных переговоров 10 декабря 1982 в ямайском городе Монтего-Бэй была подписана Конвенция «Организации Объединенных Наций по Морскому праву». Она вступила в действие 16 ноября 1994 года. Конвенция содержит 320 статей и 9 приложений. На сегодняшний день Конвенцию подписали и ратифицировали более 160 стран и Европейский союз.

В рамках Конвенции 1982 г. были выделены 5 ключевых пространственных категорий [1]:

- Внутренние морские воды;
- Территориальное море;
- Архипелажные воды;
- 200-мильная исключительная экономическая зона;
- Открытое море.

Кроме того, были сформированы режимы:

- Прилежащей зоны;
- Международных проливов;
- Континентального шельфа;
- Международного района морского дна.

В отличие от Женевских конвенций 1958 г., в рамках Конвенции 1982 г. была создана система урегулирования международных морских споров. Также были сформированы три новых института [1]:

- Международный орган по морскому дну;
- Международный трибунал по морскому праву;
- Комиссия по границам континентального шельфа.

Государства, подписавшие и ратифицировавшие Конвенцию 1982 г. получили:

➤ Возможность четкого установления своих морских границ на основании международно-признанного порядка определения (отсчета) их расстояний от берега прибрежного государства;

➤ Путем введения института 200-мильной исключительной экономической зоны легализовать расширение государственной юрисдикции вглубь открытого моря, а не исходит от критерия «эксплуататбельности», введенный Конвенцией о континентальном шельфе 1958 г.;

➤ Урегулировать морские споры между собой в международных институтах, имея равные возможности по защите своих национальных интересов.

Конвенцией 1982 г. существенно были изменен отсчет расстояний при определении морских границ. Прежде всего, был урегулирован такой наболевший вопрос, как ширина территориального моря. Была установлена его максимальная ширина в 12 морских миль (22,2 км.) [1]. Отсчет ведется следующим образом: если береговая линия ровная, то это расстояние отсчитывается от линии максимального отлива (эта линия называется «исходной линией») [1]. А если береговая линия изрезана, то отсчет 12-мильной зоны ведется от наиболее выступающих линий (или «прямых ис-

ходных линий») [1]. Был определен верхний предел (ширина) границы прилегающей зоны – не более 24 морских миль (44,4 км), отсчитываемых от тех же исходных линий, от которых отмеряется территориальное море[1].

Ст. 33 Конвенции 1982 г. закрепила право прибрежного государства на прилегающую зону, в которой оно может осуществлять контроль, необходимый для предотвращения нарушений таможенных, фискальных, санитарных, иммиграционных законов и правил в пределах своей территории или территориальных вод, или для наказания за нарушение этих законов и правил, совершенных в пределах его территории или территориальных вод[1].

Появилась новая морская граница – «Исключительная экономическая зона». Сразу были установлены порядок определения его границ, а также суверенные права государств на Исключительной экономической зоне.

Верхний предел (ширина) границы Исключительной экономической зоны не должен превышать 200 миль, которые отсчитываются от исходных линий.

Конвенция ООН устанавливает следующие исключительные суверенные права [1]:

- разведка, разработка и сохранение природных ресурсов (живых и неживых) на дне, в воде и в недрах;
- создание и использование искусственных островов и сооружений, проведение научных исследований. Вокруг искусственных островов и скал, непригодных для жизни, отсчет территориальных вод не производится.

В пределах этой зоны действует свобода открытого моря для судоходства, кроме рыбной ловли и специальных исследований [1].

Касательно континентального шельфа, то Конвенция от 1982 г. уделило этому целую главу.

Появилось новое определение континентального шельфа. Так, континентальный шельф прибрежного государства включает в себя морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы его территориального моря на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориального моря, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние[1].

Отсчет границ также изменился. Согласно Конвенции 1982 г. границы континентального шельфа отсчитываются от исходных линий (территория шельфа является экономической зоной) до ширины 200 миль, но не более 350 миль, в том случае, если континентальный шельф простирается за 200-мильную зону (рис.2.1.1) [5]. В этом случае, государство, для аргументации своих претензий должен представить в Комиссию ООН по границам континентального шельфа доказательства того, что «расширенный» шельф является продолжением его материковой части (сухопутной платформы).

В этом случае граница континентального шельфа устанавливается на основе решения комиссии ООН по границам континентального шельфа [5].

Следует уточнить, что предельной границей континентального шельфа считается внешняя граница континентального шельфа. Внешняя граница континентального шельфа в соответствии с требованиями 76 статьи Конвенции определяется на

континентальной окраине прибрежных государств, в том случае, когда континентальная окраина простирается мористее границы исключительной экономической зоны (далее 200 морских миль от исходных линий).

Внешняя граница континентального шельфа определяется на континентальной окраине прибрежных государств и термин «континентальная окраина» использовался Конвенцией в его геоморфологическом смысле, т.е. состав континентальной окраины включает: континентальный шельф, континентальный склон и континентальное подножие, что и представлено параграфом 1 статьи 76 Конвенции 1982 года. Это определение континентальной окраины и последующие определения базовых параметров Внешней границы континентального шельфа, представленные документами Конвенции «... устанавливают связь между континентальным шельфом, как юридическим понятием, и континентальной окраиной, как геоморфологическим понятием».

Согласно требованиям Конвенции 1982 г., в основу определения Внешней границы континентального шельфа положен рельеф дна – как наиболее чувствительный индикатор геологических процессов глубинных слоев литосферы, их прямое и непосредственное отражение на поверхности Земли [4].

Следуя требованиям Конвенции, Внешняя граница континентального шельфа определяется в основании континентального склона, на континентальном подножии, или абиссальной равнине, относительно и мористее базового параметра Внешней границы континентального шельфа - подножия континентального склона (ПКС): в точке, на удалении 60 морских миль от ПКС или в точке где толщина осадочных пород составляет по крайней мере 1% кратчайшего расстояния от этой точки до ПКС. Таким образом, подножие континентального склона (базовый гидрографический и геоморфологический параметр Внешней границы континентального шельфа) является началом отсчета для определения фиксированных точек юридических границ расширенного континентального шельфа прибрежных государств [4, рис. 2.1.2].

Рис. 1
Рисунок исключительной
экономической зоны [6]

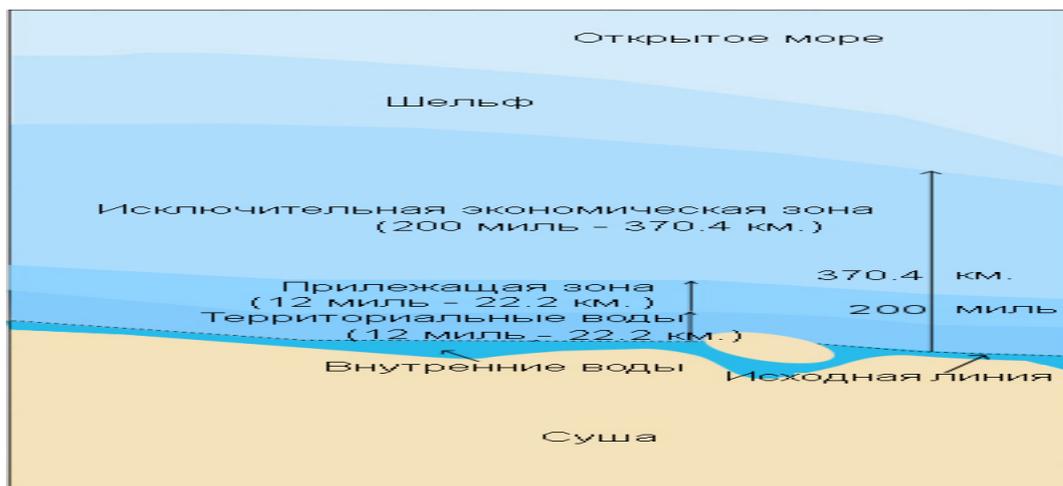

Рис. 2
Определение границ
континентального шельфа [7]

Краткие выводы по Конвенции ООН по морскому праву от 1982 г.: Концепция «Общего наследия человечества» против концепции «Суверенитета».

С одной стороны Конвенция 1982 г. путем введения института 200-мильной исключительной экономической зоны легализовала расширение государственной юрисдикции вглубь открытого моря, тем самым признав природно-ресурсные амбиции большинства государств, с другой стороны, в ее рамках была существенным образом видоизменена и ограничена сама концепция «суверенитета».

Суверенитет был ограничен тем, что составной частью Конвенции стала единая система урегулирования споров; «суверенные права» были поставлены в прямое подчинение задачам сохранения, защиты окружающей среды; обосновывалась необходимость международного/двухстороннего сотрудничества в вопросах защиты окружающей среды, управления живыми/неживыми ресурсами[3].

Трансформация «суверенитета» заключалась в том, что была введена иерархическая система понятий: «суверенные права», «преимущественное право», «зона юрисдикции» [3].

Кроме того, в Конвенции равные или же почти равные права были предоставлены государствам-участникам и «компетентным международным организациям». Фактически, были заложены основы привлечения межгосударственных организаций к процессам формирования океанической политики [3].

До вступления в силу Конвенции за международными водами был официально закреплен статус открытого моря, который согласно Конвенции об открытом море 1958 г. подразумевает, что «никакое государство не может претендовать на подчинение какой-либо части его своему суверенитету».

Согласно ст. 2 Конвенции «Об открытом море» от 1958 г. «Свобода открытого моря подразумевает свободу судоходства, рыболовства, прокладки подводных кабелей и трубопроводов» [1]. Международные воды имели статус «res nullius» (ничья, бесхозная вещь) и res communis (вещь общего пользования) – то есть их ресурсы и пространства могли быть использованы любым государством [1].

Конвенция 1982 г., отменив критерий «эксплуататорности», в рамках ст. 76 самоограничила континентальный шельф приморских государств за пределами 200-мильной зоны от исходных линий определенными пространственными и геологическими границами [3].

Соответственно, США не участвующая в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. как и некоторые страны не имеют никакого права претендовать на расширение площади своего континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны от исходных линий:

- во-первых, к норме обычного международного права положение о континентальном шельфе за пределами 200-мильной зоны не относится;

- во-вторых, установлены временные лимиты для подачи представления о получении преимущества от стран-неучастников в Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. согласно ст. 4 Приложения II Конвенции 1982 г., что фактически свидетельствует о невозможности подачи заявки с их стороны;

- в-третьих, в рамках ст. 76 и ст. 82 Конвенции 1982 г. оговорены финансовые обязательства за разработку ресурсов континентального шельфа за пределами 200-мильной зоны.

На основании вышеизложенных обоснований внешние границы континентального шельфа, если будут установлены странами, не участвующими в Конвенции 1982 г., являются нелегитимными.

Таким образом, даны понятия «делимитация», «континентальный шельф» и определены причины, по которым использования их в настоящее время вызывает определенные трудности.

Первое международное определение континентального шельфа было дано в Женевской конвенции о континентальном шельфе от 1958 г., но его правоприменение в отношении Арктики была осложнена следующими моментами:

- во-первых, в то время Арктика еще была покрыта толстым слоем льда, а технические возможности приарктических стран не позволяли в достаточной мере исследовать дно Северного Ледовитого океана и прибрежных морей;

- во-вторых, в Конвенции отсутствовали четкий порядок отсчетов начала границ континентального шельфа и его предельных границ. Установленные в Конвенции отсчеты велись по глубине морского пространства, а именно: до глубины 200 м и далее до технической достижимой глубины.

При таком порядке отсчетов границ континентального шельфа, с учетом первого обстоятельства, было крайне затруднено установление приарктическими странами границ своих континентальных шельфов.

Второе международное определение континентального шельфа было дано в Конвенция ООН по морскому праву 1982 года, в которой был выработан принципиально иной подход к определению континентального шельфа:

- внешняя граница континентального шельфа проводится в пределах подводной окраины материка, которая, помимо шельфа в собственном смысле слова, включает также континентальный склон и континентальное подножие;

- кроме того, в пределах 200 миль от берега шельфом объявляется всё морское дно, вне зависимости от его геологической структуры, глубины покрывающих вод или каких-либо других факторов.

Таким образом, в новом определении используется сложная комбинация конкретных критериев, но в то же время это сложная комбинация в основу имела чисто договорную природу между сторонами.

Следовательно, страны сами на договорной основе должны были определить является ли морское дно по которому проходит их границы – континентальным

5. Semenov A. V., Zhil'czov S. S., Zonn I. S., Kostyanov A. G. Arkticheskaya geopolitika i interesy` Rossii / A. V. Semenov, S. S. Zhil'czov, I. S. Zonn, A. G. Kostyanov //Obrazovatel'ny'e resursy` i texnologii. – 2014. – № 5 (8). – S. 3-13.

6. Risunok isklyuchitel'noj e'konomicheskoy zony`. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%98%D1%81%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B8%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D1%8D%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%B7%D0%BE%D0%BD%D0%B0yu (data obrashheniya 11.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.

8. 7. Kontinental'ny`j shel`f. URL: <http://present5.com/mirovoj-ocean-obshhie-svedeniya-o-mirovom-okeane/>(data obrashheniya 11.11.2019). – Tekst e`lektronny`j.